

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Папиллярный узор на пальцах — это творение природы. Но если есть судимость, это уже идентификационные признаки. Судимость — это и отпечатки пальцев, и автобиография в материалах уголовного дела, специальный учет и пристальное внимание со стороны определенных компетентных органов. Но сам имеющий судимость производил неплохое впечатление. Тридцать два года, на столько же и выглядит, ни больше ни меньше, и не скажешь, что человек провел в колонии долгих девять лет. Правильные, а вместе с тем и приятные черты лица, открытый взгляд, ямочка на подбородке. Атлетическое сложение, реальная сила в руках. И в глазах. Но эту силу Сукнов старался скрывать, чтобы босс не воспринял его взгляд как вызов. Все правильно, его дело шестое, охранять спа-центр в ночное время. Днем салон обслуживал женщин, а ночью — мужчин. Сауна с отличным бассейном, массажистки, девочки... И Сукнов должен за всем этим хозяйством присматривать. Пока справляется, пока без нареканий.

— Если все готово, можешь отдыхать. — Тимофей похлопал Сукнова по плечу.

— А девочки?

— Девочек можешь отпустить.

Ни один мускул не дрогнул на лице Сукнова, и взгляд не изменился, но Тимофей все же уловил вопрос и удивление. Мужчина он уже немолодой, скоро пятьдесят, может, на старости лет решил сменить ориентацию?

— Девочки будут с шеста.

И снова взгляд Сукнова ничего не выражал, но Тимофей все же почувствовал в нем некую хоть и безобидную, но насмешку. И даже уловил ход мысли мужчины.

— Курочки мои будут, — кивнул он, будто соглашаясь со своим подчиненным, и задумался. Курочки с жердочки, с насеста, но ведь и то и другое, по сути, шест. А в любом случае курочки будут. С безмозглыми головами. Хотя и с красивыми телами. От большого ума в стриптиз не нанимаются. А сегодня его с Шохратом будут обслуживать стриптизерши. Новых девочек вчера наняли, Тимофей упустил момент, но Челленджер говорит, высший сорт, и танцуют здорово, и на все согласны. Недотрог Тимофей в своем клубе не держит, а если вдруг такие появляются, он с удовольствием их ломает. Может, и сегодня придется применить силу: физическую, моральную — неважно, лишь бы в кайф.

Сукнов кивнул и удалился, а Тимофей вернулся в свой кабинет.

Он ведь тоже в свое время срок мотал, причем два раза. Первый раз — за грабеж, второй — за вымогательство. И в одном случае влетел по глупости,

и в другом. На рейдерском захвате во втором случае погорел, парикмахерскую у одного черта пытался отжать, хорошо, всего четыре года схлопотал, отсидев из них ровно половину. С тех пор ни разу не попадался, хотя за десять лет много чего успел отжать, кроме того, крупный завод обанкротил, крутые бабки поднял. Тогда и почувствовал, что пора завязывать. Счет в швейцарском банке открыл, одну часть денег туда положил, другую потратил на постройку дома в Краснохолмске, ночной клуб здесь же купил. Чуть позже приобрел два здания по соседству, в одном, побольше, организовал спа-салон, в другом, поменьше, устроил спортзал. Все здания огорожены одним забором и замкнуты на один двор, а клуб и спа-центр еще и соединены галереей. Эта же галерея удлиняла и без того немаленький кабинет Тимофея. На второй этаж спа-салона по этому коридору мог попасть только он один. И сразу в трапезную, там же и бильярдная, и спальня. Спустился вниз, а там сауна, попасть в которую мог кто угодно. И когда угодно, но только не сейчас.

Было, мотал Тимофей срок. Потому и откликнулся на просьбу уважаемого вора, который когда-то очень сильно ему помог. Нестор попросил за Сукнова, Тимофей не смог ему отказать, взял пацана на работу, оказал ему доверие. Нестор не мог просить за какое-то фуфло, это и успокаивало.

Нестор все еще на казенном пайке, зато другой вор на свободе. Он-то и ждал сейчас Тимофея в кабинете. О делах уже перетерли, пора переходить к

развлекательной части, тем более что сауна готова, спа-центр освобожден от посторонних, Сукнов охраняет подступы со стороны парадного входа. Челленджер присмотрит за выходом из клуба. Это вся предосторожность. Шохрат зашел к Тимофею без охраны, и он из уважения к нему решил не окружать себя телохранителями. Ходы перекрыть, и на этом все. А чего бояться? И Тимофей на самых задворках криминального мира, и Шохрат миллионами больше не ворочает. Контрабандное бухло с Кавказа гоняет, для него это мелочовка. А ведь совсем недавно московские рынки крышевал, два покушения пережил, третьего решил не дожидаться — отошел от крутых дел. Говорили, что его воровской короны лишили, но сам он это отрицает. Происки врагов, говорит. А сам Тимофей в воровские дела особо не вникал: знал расклады, ориентировался в именах, но подробностями не интересовался. Меньше знаешь — крепче спишь. И с Шохратом он встречался как с поставщиком алкоголя, там ведь он поставлял не только коньяк и вино, но еще и виски, очень приличного, надо сказать, качества: клиент от настоящего не отличает, ну если он уже под градусом.

— Бахруз Измирович! — широко улыбнулся Тимофей.

Шохрат, может, и сошел на обочину воровской дороги, но влияние в Москве он имел, мог решать важные вопросы — еще один повод для того, чтобы водить с ним дружбу. Встречался Тимофей с ним редко, но метко. Танцпол Шохрата не вдохновлял,

а сауна с девочками — милое дело. И стол в трапезной отменный: и долма будет, и люля-кебаб, и пахлаву настоящий мастер своего дела приготовил.

Шохрат мило улыбнулся, поднимаясь из-за стола. Спокойный, степенный, но вместе с тем немного простоватый. Среднего роста, худощавый, ничего устрашающего во внешности. И улыбался он добродушно. С такой улыбкой не рынки крышевать, а шаурмой торговать. Но в то же время за видимой мягкостью скрывался очень жестокий человек, оскорблений Шохрат не прощал, и Тимофей это знал. Да и не собирался он обижать уважаемого человека, тем более что у того особый перстень-печатка на пальце. Ромб, разделенный на четыре треугольника, а поверх небольшая корона. Все — чистое золото, никаких камней. А печатка массивная, золота много. «Привет вора» — свидетельство верховного сана в воровской иерархии.

— Бахруз Измирович, ваш коньяк выше всяких похвал! — в трапезной, у стола сказал Тимофей, не забыв приложить руку к груди. — Но давайте начнем с того, что похуже!

Он открыл створку бара, достал бутылку «Курвуазье» с цифрой «двадцать один» на этикетке. И это не возраст, с которого разрешено употреблять крепкие алкогольные напитки, а время выдержки.

— Молодой коньяк, — улыбнулся Шохрат. И тут же уточнил: — По сравнению с нами.

— Оу!

— Что такое?

— Считаю, сколько нам нужно выпить. Нам на двоих лет под сто... Пять бутылок!..

— Наливай!

Первая бутылка ушла под разговоры за дела, за жизнь, вторая заставила вспомнить о женщинах. А там и девочки подросли.

Сначала появилась одна: кареглазая шатенка с белозубой улыбкой. Красивая, эффектная и очень аппетитная в своем коротком платье с блестками, а главное, незатаканная. Тимофей кашлянул в кулак, глядя на нее. Очень вкусная девочка, просто конфетка, он и сам пустил на нее слюнки, но хочешь не хочешь, а все лучшее — гостю. Тем более что глазки у Шохрата вспыхнули.

— Как зовут? — спросил Тимофей, озадаченно глядя на красотку.

Может, ну его к черту, этого уважаемого гостя? Он и сам большой любитель хорошенького.

— Алиса!

— А почему такая влюбленная?

— В кого влюбленная? — натянуто улыбнулась красotka.

— А чего так грубо? — нахмурился Тимофей.

— Грубо? — задумалась девица.

— Нежно нужно, нежно. И говорить нежно, и делать... Ты знаешь что.

— Ну! — Алиса капризно надула губки и закатила глазки.

— А если не знаешь, подскажем. И даже научим, правда, Бахруз Измирович?

— Даже покажем, — кивнул Шохрат, протягивая руку навстречу добыче.

Он довольно улыбался, глазами стаскивая с Алисы платье. А поймав ее, с восторгом и жадно прижал к себе. Девушка взаимностью не отвечала, но и не брыкалась. И всего лишь снова закатила глазки, когда Шохрат просунул руку под подол платья. Тимофей даже приуныл. Девочка более чем, к тому же новинка, он и сам не прочь развернуть эту конфетку. А она досталась гостю.

Но грустил он недолго. Открылась дверь, и в трапезную из раздевалки втолкнули вторую диву. Тимофей остолбенел, глядя на нее. Сказать, что хороша девка, значило не сказать ничего. Красивая длинноногая блондинка с тонкой талией и неширокими бедрами — этими достоинствами Тимофея можно было удивить, но не поразить. Сколько таких красоток прошло через него, но ни от кого давно уже не захватывало дух. А тут изнутри тряхнуло. Черты лица у девушки правильные, но это не редкость, а вот неуловимые штрихи, делавшие лицо совершенным и одухотворенным, — настоящая находка.

Блондинка сердито глянула на Челленджера, который, оставаясь за дверью, подталкивал ее. И даже возмущенно махнула на него рукой — длинной, изящной, тонкой. Кожа нежная, словно бархатная.

— Ты кто такая? — преодолевая себя, с нарочитой грубостью спросил Тимофей.

Блондинка реально его очаровала, но нельзя миндальничать с ней, иначе сядет на шею. Не хочет она пополнить собой список банных удовольствий, злиться, нервничает, Челленджеру даже пришлось применить силу, отправляя ее в трапезную. Вроде и стрип-

тизерша, и платье у нее даже короче, чем у Алисы, но, гляди ж ты, артачится. Или цену себе набивает, или совсем ничего не хочет. А ему она нужна. Он перестанет себя уважать, если не объездит эту кобылицу. Он умеет ломать телок, опыт у него большой. И аппетит на это дело имеется.

— Варвара я. — Блондинка глянула на него недовольно, но без вызова.

— Варвара-краса! — поднимаясь со своего места, широко улыбнулся Шохрат.

Он, казалось, забыл об Алисе, все его внимание поглотила Варвара. Он водил рукой по своему плечу, как будто искал узел, удерживающий простыню на теле. Как будто хотел поскорее избавиться от банной туники, чтобы покорить Варвару мужской своей красотой.

— Шохрат, ты чего? — нахмурился Тимофей.

И выразительно глянул на ставшую вдруг никому не нужной Алису. И Шохрат посмотрел на нее — оценивающе и на хозяина дома с осуждением. Как же так, залежалый товар гостю сбаврил, а себе, значит, хит продаж! Нехорошо!..

— Я не знал, — замялся Тимофей.

Действительно, неудобно вышло. И неумно. Мог бы и поинтересоваться, кого сосватал им Челленджер, тогда бы и не возникло курьеза.

— Что ты не знал? — Шохрат впери́л в него взгляд.

— Эй! — предостерегающе сощурился Тимофей.

Он, конечно, ценил и даже уважал гостя, но всему есть предел. Если Шохрат не видит берегов, он подкрутит ему зрение — через мозги.

Шохрат все понял, осадил себя, промолчал, но его взгляд смягчился не сразу, какое-то время он смотрел на Тимофея так, словно пытался прожечь в нем дырку. И Тимофей отвечал ему таким же взглядом. Наконец накал спал. Конфликт не разгорелся, но угли тлели.

— А ты чем-то недовольна, Варвара? — недобро спросил Тимофей.

— Почему недовольна? — Девушка поняла, что может оказаться в положении громоотвода.

И Тимофей завелся, и Шохрат не в себе, а напряжение нужно как-то снимать. Как бы в переплет не попасть. Один претендент сзади, другой — спереди. А в саунах и не такое случается.

— Не знаю, кислая ты какая-то. Жизни радоваться не хочешь.

— Так не предупредили нас, — подала голос Алиса.

Она стояла, в раздумье приложив палец к щеке. С одной стороны, она тоже не очень-то и хотела в сауне обслуживать, но, с другой стороны, все внимание переключилось на подружку, до нее никому нет дела. Зачем ей такая свобода, когда зависть гложет и обида душит?

— Ага, с корабля на бал, — кивнула Варвара, сжимая пальцами воображаемый пилон.

— И как на корабле?

— Ну можем исполнить. «Яблочко», — глянув на подружку, сказала Варвара.

— На тарелочке, — не растерялась та.

Тимофей в долгу не остался:

- С голубой каемочкой.
- Сначала яблочко, — мотнула головой Варвара. — Потом тарелочка.
- И бутылочка, — выразительно глянув на Тимофея, сказал Шохрат.
- Можно и бутылочку.

Тимофей поднял бутылку, глянул на свет. Коньяка совсем мало осталось, а еще девчонкам налить, чтобы им танцевалось веселей. «Курвуазье» в баре больше нет, а мешать сорта — плохая примета. Надо будет отправить гонца — в бар ночного клуба, там все есть. А на пустой бутылочке можно будет разыграть Варвару: кому она достанется, тому с ней и дальше крутить. А если Тимофею не повезет, он переспит с Алисой. А Варварой займется позже.

* * *

Тридцать семь лет еще не возраст, но уже многое в этой жизни позади. И уже не вернешь ту золотую пору, когда душа не знает покоя, а тело — усталости. Макар хорошо знал, что такое пьяные скачки: это когда после домашнего застолья на ночь глядя отправляешься куда-нибудь в бар, а оттуда в ночной клуб — в поисках более острых ощущений. Бывало, все клубы за ночь объездишь, а все мало. И сегодня такая же ситуация: старый друг пригласил на свадьбу своей дочери, гуляли в ресторане — застолье, веселье, девушки. Макар познакомился с одной, а ее с компанией в ночной клуб потянуло. Он тоже поехал вместе со всеми. Хотя был четвертый час ночи, Инга все угомониться не могла — ей в самый

крутой клуб захотелось. А ведь Макар собирался ее к себе домой везти. Имел полное право. Он мужчина холостой, его любимая женщина вернулась к мужу.

— Вы откуда такие тепленькие? — с насмешкой глядя на Ингу, спросил мордастый охранник, когда они подошли к двери клуба.

На ногах стоит — пошатывается, улыбается как дурочка, еще и свадебная прическа растрепана после бурного танца. И подружка ее выглядела так же нелепо. Сергей даже сделал вид, что сам по себе, и отошел в сторону. Макар помалкивал и близко к охраннику не подходил. И на Ингу смотрел с мягкой иронией. Время позднее, очереди в клуб давно уже нет, но фейсконтроль никто не отменял. Не пустят их в клуб. Глядя на Ингу, он в том почти не сомневался.

— Где у вас тут паук? — спросила Инга.

Симпатичная девушка, но далеко не юная. Двадцать четыре года, одно неудачное замужество, масса случайных связей. И Макар хотел стать для нее таким же мимолетным увлечением. Прямо сейчас. А если она и дальше будет крутить динамо, махнет на нее рукой и отправится домой. Завтра воскресенье, если ничего не случится, можно спать весь день. А он так за неделю вымотался, что с удовольствием в постели поваляется.

— У нас «Паутина». — Дитина явно не понял юмора.

— Какая паутина без паука?

— Паук отдыхает.

— Паук ваш кровь из мух высасывает! — мотнула головой худенькая рыжеволосенькая Рита.

— А может, наоборот? — осклабился охранник. — И не кровь!

Макар кашлянул в кулак. Рита, конечно, ляпнула не подумав. Но, если охранник будет продолжать в том же духе, он заткнет ему рот.

— Мы зайдем? — спросила Инга.

— Не-а! — мотнул головой детина.

И подошел к ней близко-близко, стеной встал. Проход закрыт, но, если она хорошо его попросит, он, может, и передумает.

Макар приблизился к нему с правого бока, парень почувствовал его присутствие, повернул к нему голову и удивленно, с угрозой повел бровью. Но в это время из клуба вышел еще один здоровячок в темном костюме.

— Паша! — окликнул он.

Охранник хмыкнул Макару в лицо и нехотя повернулся к нему спиной, лицом к здоровячку. Плоская голова у парня, мощный лоб, нос широкий, приплюснутый.

— Чего?

— Если вдруг «скорая» подъедет, к салону ее давай и мне позвони, я встречу.

— А что такое, Мельник?

— Да там, в сауне!.. — разворачиваясь, махнул рукой здоровячок.

— Что в сауне?

— Потом!

— Ну хорошо! — Мордастый с обидой глянул на своего коллегу. Мог бы и сказать, что там стряслось, он же не какой-то посторонний с улицы.

— А почему мы не зайдем? — спросила Инга.

Но охранник повернулся к Макару, резко глянул на него:

— Вы еще здесь?

— Что там у вас в сауне стряслось? — спросил Макар.

Он выпил не меньше, чем Инга, но на ногах стоял твердо. И мыслил трезво.

— Не понял! — напыжился охранник.

— Майор Капитонов, начальник убойного отдела! — Макар ткнул ему под нос удостоверение.

— Убойный отдел? — задумался парень.

— Фамилия? — Макар спросил негромко, без особой агрессии, но при этом смотрел ему прямо в глаза, с усмешкой уверенного в себе человека. Он ничуть не сомневался в том, что с легкостью сметет препятствия на своем пути, причем без всяких «корочек».

— Ну Веретенцев... А что?

— В сауну веди, Веретенцев!

— Не могу я!

— Понятно.

Макар позвонил в управление, узнал, что никаких сообщений из «Паутины» не поступало. И велел отправить к месту наряд. Он знал, что это за клуб и кто им владеет, поэтому решил подстраховаться.

А Веретенцев позвонил своему начальнику, ответ пришел не сразу. Братва какое-то время размышляла,

допускать ментов в сауну или нет. Наконец-то созрели. Появился тот самый широконосый парень, который ждал «скорую помощь». Вышел он из клуба, но повел Макара по улице к перекрестку, с Парижской Коммуны свернул на Снегирева. А там трехэтажный спа-центр, соединенный с ночным клубом забором и галереей.

— Я так и не услышал, что случилось, — сказал Макар.

Своих спутников он отправил в клуб, пообещав к ним присоединиться.

— Да отравление... По ходу, клофелин, — скривился Мельников.

— Живые?

— Да вроде да.

— Что значит «вроде»?

— Ну дышат... — как-то не очень уверенно сказал парень.

У входа в салон у открытой двери стоял и курил высокий, плотного телосложения парень с мрачной, но не отталкивающей внешностью. Спокойный взгляд, безмятежное выражение лица, но волнение чувствовалось. Рука, в которой дымилась сигарета, вот-вот, казалось, могла дернуться. Он и хотел спросить насчет Макара, но широконосый глянул на него как на пустое место, и тот отвел в сторону взгляд, хотя где-то глубоко в душе и возмутился столь небрежным к себе отношением.

Из холла с ресепшеном Мельников провел Макара в зал с бассейном с голубой водой. Дальше моечная с выходом в сауну, за ней лестница, которая вела

на второй этаж. А там, в трапезной, два мужских тела в туниках из банных простыней. И мужчина средних лет с жестким волевым лицом и атлетического сложения. Макар узнал его. Телегин, или просто Челленджер, начальник охраны Тимофея Мизгирева по кличке Мизгирь. Пару лет назад Макару пришлось иметь дело и с одним и с другим. Проходили они, правда, как свидетели, но информацию по этим деятелям пробили.

Мизгирев лежал на одном диване, второй, неизвестный, полусидел, раскинув руки, на другом. На столе закуска, бутылка коньяка, два телефона и четыре хрустальных бокала. Челленджер стоял возле Мизгирева, держал его за руку, пытаясь нащупать пульс.

— Живой? — спросил Макар.

— Живой, — сказал Челленджер, уныло глянув на Капитонова.

Макар кивком указал на второе тело:

— А этот?

Он не стал дожидаться ответа, подошел к мужчине явно выраженной кавказской внешности, приложил палец к шее. Пульс отсутствовал. Да и тело выглядело очень уж безжизненным и бледным, несмотря на природную смуглость. Даже воровские звезды, выколотые на ключицах, поблекли. Может, потому, что больше не освещали воровской ход их обладателя.

Обратил внимание Макар и на воровской перстень, выколотый на пальце правой руки. Плохого качества татуировка, тюремный партак, зато значила

она очень многое. Символ высшей власти в тюремных кругах.

— А почему в полицию не позвонили? — спросил Макар, осматривая бокал, не прикасаясь к нему рукой.

Даже издалека угадывались следы губной помады. Вернее, жировые пятна от нее. Видно, помада крепкая, в цвете не отпечатывается.

Тот кивком указал на покойника.

— Так это, думали, он живой.

На другом бокале угадывался розовый цвет. Видно, у второй девочки помада была попроще.

— Кто он?

— Шохрат.

— В законе?

— Да мы бы по-любому позвонили, — покривился Челленджер.

— Так, может, вы его и завалили.

— Эй, начальник!

— И в землю по-тихому.

— Да мы «скорую» вызвали... Кстати, где она?

Телегин кивнул, пулей выскочил из трапезной, но тут же вернулся под натиском врачебной бригады. К спа-центру ее мог направить Веретенцев, а на второй этаж сауны — парень, на которого Телегин глянул как на пустое место.

Макар предъявил удостоверение, попросил не следить на месте преступления, руками ничего не трогать. Врач констатировал смерть Шохратова, Мизгиреву сделали укол и унесли к машине. Челленджер хотел отправиться с ним, но Макар его не отпустил. Сопроводжать босса отправился Телегин.

Пепельница полная, но ни одной дамской сигареты в ней: видимо, девочки не курили. Зато мужчины дымили нещадно, один курил «Мальборо», другой — «Парламент».

— Значит, клофелинщицы? — спросил Макар, глядя на телефоны, лежащие на столе.

Дорогой айфон и дешевый кнопочник. Судя по расположению телефонов, дешевым пользовался Шохрат.

— А я говорил, что клофелинщицы? — косо глянул на майора Челленджер.

— Не говорил?

— Ну, думал.

— Может, ты уже людей за ними отправил?

— Куда? — Челленджер мельком глянул на телефон, который держал в руке.

— Не знаю.

— Не отправлял я никого.

— А чего так неуверенно?

— Почему неуверенно?

— Может, потому, что правильно соображаешь?

— Я всегда правильно соображаю.

— Тогда ты должен испугаться.

— Чего?

— Правильно, чего, — кивнул Макар. — Несправедливости... Ты вот сейчас девочек накажешь, они исчезнут. А если они исчезнут, значит, их и не было. А если их не было, то Шохрата убил ты.

— Я?!

— Ну, может, на пару с Мизгиревым.

— Как это на пару?

— Откуда же я знаю, насколько сильно он отравился. Может, совсем чуть-чуть. Чтобы не зажмуриться. А Шохрату лошадиную дозу отсыпали, вот он и загнулся...

— Зачем нам его убивать? — нервно спросил Челленджер.

— Не знаю, может, у Мизгирия зуб на Шохрата. Какие дела их связывают?

— Да нет никаких дел, чисто дружба.

— Я узнаю, Челленджер, я узнаю... Может, и не было никаких клофелинщиц? — резко спросил Макар.

— Да нет, были! — так же резко отозвался Телегин.

— Кто такие?

— Да у нас работали. — Челленджер кивком указал в сторону клуба. — Вчера наняли стриптиз танцевать... Кто ж знал, что они такие?

— И где они сейчас?

— Я отправил за ними ребят...

— Позвони, скажи, чтобы аккуратнее с ними. А то вдруг найдут их, обидят. Зачем тебе неприятности?

— Ну да.

Челленджер позвонил, ему ответили.

— Кузя, ты где?.. Подъезжаешь?.. Давай там спокойно с девочками, без рук. Аккуратно возьмешь, аккуратно привезешь... Менты здесь... В смысле полиция интересуется...

Челленджер сбросил вызов и озадаченно глянул на Макара.

— Я правильно понял?

— Что я мент?

— Э-э... Что девчонок сюда доставить нужно.

— Если аккуратно.

— Нежно и бережно... Мы же не какие-то там...

— Бандиты вы! — отрезал Макар.

— Когда это было...

— А я как был ментом, так ментом и остался...

В хорошем, разумеется, смысле.

— Так и мы в хорошем смысле. Никого не трогаем... Нас вот трогают. — Челленджер кивком указал на покойника. — Шохрата завалили.

Макар нашел в своем мобильнике номер телефона Ворошилова, но набирать пока не спешил.

— Фамилии, имена девчонок, которых вчера наняли, — потребовал он.

— Одна — Варвара, другая — Алиса. Фамилии... Фамилии не помню... Адреса помню, а фамилии нет.

— Адреса помнишь?

— Да!.. — кивнул Челленджер, торопливо вынимая из пиджака записную книжку. — Вот, у меня тут... Так, Иршова — улица Красная, дом девятнадцать, квартира сорок два. Калинина — поселок Заводской, улица Можайская... Говорю же, запомнил!

— А фамилии почему не запомнил? — усмехнулся Макар.

— Я сказал, что не запомнил? — переспросил Челленджер.

— Сказал.

— Иршова, Калинина... Ну так я же не знал, кто из них Иршова, а кто — Калинина.

— Значит, не запомнил.

— Значит, не запомнил! — гыкнул детина.

Макар позвонил Ворошилову, извинился за вторжение в сон и велел отправляться на улицу Красную. Не собирался он отдавать стриптизерш на откуп бандитам, а то вдруг перемякнет Кузю, возьмет и убьет девчонок.

Ворошилов — парень женатый, но его супруга точно не проклянет службу, которая не дает покоя ни ночью ни днем. Более того, она сама отправится в путь. Так уж вышло, что Ворошилов женат на своей напарнице. Они и днем вместе, и ночью. И вроде не устают друг от друга. И от службы тоже.

— Значит, завалили, говоришь, Шохрата? — возвращая телефон на место, спросил Макар.

— Ну а что? — кивнул Челленджер.

— Клофелин?

— Да похоже на то.

— Если клофелин, значит, кража. Что пропало?

— А что пропало? — замер в раздумье Челленджер. — Я даже как-то не подумал.

— Телефоны на месте, — подсказал Макар.

— Ну да... А деньги, документы в кабинете у Тимофея Анатольевича. Они там пиджаки оставили, в раздевалку без пиджаков заходили.

— Глянуть можно?

Спа-салон с ночным клубом соединяла галерея, но напрямую перейти из одного здания в другое по-

зволюя только переход на первом этаже. На втором этаже галерея перетекала в кабинет босса.

В кабинет Макар заходить не торопился.

— Значит, сразу из кабинета Мизгирев и Шохрат попали в сауну?

— Очень удобно, — кивнул Челленджер.

— А как прошли в сауну девочки?

— Через первый этаж.

— Сами прошли?

— Как они могли? Там дверь закрыта, я провел.

— Они подошли к тебе и ты их провел?

— В общем да.

— А почему в общем? — Капитонов внимательно смотрел на Челленджера.

— Ну, пришлось идти за ними.

— Куда?

— Ну так... — неопределенно пожал плечами мужчина.

— Так? Или что-то не так?

— Они задерживались, пришлось их поторопить...

— А если начистоту? Дело серьезное, погиб вор в законе, будешь темнить — и себя запутаешь, и следствие. Но мне-то что, а с тебя и спросить могут. За Шохрата.

— Так я ж ничего... Просто девчонки идти не хотели.

— В сауну?

— Да... Типа они так не договаривались. В приват договаривались, а в сауну — нет.

— А в приват договаривались?

— Так приват — это почти то же самое, что сауна!

— Значит, не хотели в сауну идти?

— Ну, я их уговорил... Нормально поговорили, без рук, — спохватился Челленджер.

— Ты привел девчонок, дальше что?

— А что дальше? Ну часа два они там гуляли... Я не заходил, не смотрел.

— Почему не заходил?

— Так Тимофей Анатольевич сказал не ходить, не отсвечивать.

— А как же охрана?

— Дело в том, что у Шохрата охраны не было, он один пришел. И Тимофей Анатольевич не хотел охраной светить.

— Где вы находились?

— Я-то в клубе, а Кузя здесь вот сидел. — Челленджер обвел рукой помещение перед кабинетом.

И слева здесь окно, и справа, а впереди массивная дверь, возможно бронированная, с накладкой из красного дерева.

Открыв эту дверь, Макар сразу попал в зону рабочего пространства. В этой части кабинета Мизгирев заседал за массивным столом из натурального дерева в массажном кресле. Стояли шкафы, стулья. Макар вышел к высокому окну чуть ли не во всю стену, отсюда открывался вид на танцпол. У окна размещалась лаундж-зона: мягкая мебель, столик, светильники, чуть в стороне бар со стойкой. На столике два стакана, пепельница с окурками.

— Я так понимаю, Мизгирев с Шохратом начали отдыхать здесь, — сказал Макар.

— Да, здесь. Посидели немного, выпили.

— А потом, сняв пиджаки, отправились в сауну. — Макар кивком указал на рабочий стол, за которым находился выход в галерею.

— Да.

— Где пиджаки?

Пиджаки находились в платяном шкафу, на вешалках, все как положено. И в одном портмоне, и в другом. Макар осторожно в присутствии Челленджера достал один, заглянул внутрь. Деньги, банковские карточки, документы на месте. Водительские права находились в прозрачном кармашке, их даже не пришлось вынимать, чтобы прочесть фамилию Шохратова. И Мизгирева никто не грабил: деньги, документы в наличии.

— Пиджаки сами повесили? — спросил Макар, закрывая створки шкафа.

— Ну да, в кабинет никто не заходил. Тимофей Анатольевич этого не любил.

— А обслуживал их кто? — Макар указал рукой на столик в лаундж-зоне.

— Сами.

— Значит, отсюда они отправились в сауну. Через второй этаж. А девочек подали через первый.

— Все верно.

— И никто за ними не смотрел. — Макар повернул назад.

— Были Кузя и Сук.

— Кто?

— Ну он спа-салон охраняет. — Челленджер пренебрежительно скривил губы. — Типа сторож.

— Сук?

— Если честно, то ему не нравится, когда его так называют. Так-то он Сукнов, просит, чтобы его Суком называли.

— Но тебе все равно?

— Да мне поровну!

— Чего так?.. Не из ваших пацан?

— Типа того... Попросили за него, Тимофей Анатольевич взял по доброте душевной.

— Кто попросил? — спускаясь по лестнице, спросил Макар.

— Один очень авторитетный человек.

— Кто?

— Не скажу.. Может, Тимофей Анатольевич скажет, а я пас.

— И чем тебе Сук не нравится?

— Да вроде нормальный пацан, — выпятив нижнюю губу, пожал плечами Челленджер, — но озабоченный какой-то. На баб слюнки пускает..

— Это плохо?

— Нет, конечно... Я понимаю: девять лет баб не видал.

— Где не видал?

— В зоне... Ну вот, снова кого-то клеит!..

Они вышли в приемную зону спа-центра, а там парень, о котором говорил Челленджер, а с ним Инга. Он ей что-то тихо говорил, улыбаясь одними глазами, а она заворожено слушала. И тянулась к нему — ухом и душой.

Услышав шум, Сук повернул голову и едва заметно кивнул, выражая свое почтение начальнику и его спутнику. Но при этом даже не изменился в лице. Разве что глаза улыбаться перестали.

— Это кто? — грозно спросил Челленджер.

В своем платье с открытой спиной, на шпильках, пьяная и растрепанная, Инга могла сойти за проститутку. За очень аппетитную, надо сказать, проститутку.

— Она со мной, — сказал Макар.

— А-а, ну тогда не вопрос! — сдался Челленджер.

— А мне скучно стало, — натянуто улыбнулась Инга.

Она посмотрела на Макара, перевела взгляд на Сукнова, как будто сравнивала и выбирала. А парень, надо сказать, смотрелся очень даже: приятной, располагающей внешности, харизма крутого мужика, спортивная фигура, и костюмчик, что называется, сидел.

— Убийство здесь, — сказал Макар.

— Да Миша мне сказал, — кивнула Инга.

Подошла к Макару, осторожно взяла его под руку. Похоже, она сделала свой выбор.

— А Миша все знает? — скривился Челленджер.

— А Миша не должен знать? — Макар посмотрел на одного, на другого.

Сукнов явно пришелся не ко двору, не жаловала его братва, закаленная в схватках за чужую недвижимость. Это сейчас Мизгирь занимался вроде как легальным бизнесом, а раньше бандитствовал, отжимал у людей горбом нажитое добро. На грязные деньги

обзавелся ночным клубом в родном Краснохолмске, бросил якорь в тихой гавани, но своих бойцов не распустил. Как ни крути, а ночной клуб охраняют самые настоящие бандиты — матерые, сплоченные, тренированные.

— Дело Миши маленькое, — ухмыльнулся Челленджер.

— Салон охранять. И коньяк боссам подавать. Да, Миша? — Макар вперил в Сукнова взгляд.

Тот внутренне напрягся, но невозмутимость сохранил, во всяком случае внешне.

— Сказали — принес, — кивнул Сукнов.

— И девочек выпустил... Дамский угодник! — фыркнул Челленджер.

Взгляд у Сукнова потух. Макару показалось, что сейчас он опустит голову. Но не опустил. И даже посмотрел Челленджеру в глаза.

— Я же не знал.

— Что ты не знал? — спросил Макар.

— Что они людей клофелином зарядили.

— Людей?

— Уважаемых, — совершенно серьезно уточнил Сукнов.

— Но девушек ты выпустил?

— Да. Они сказали, что их изнасилуют и убьют.

— Уважаемые люди?

Макар задавал вопросы жестко, напористо, но Сукнов держался под его натиском, голос у него не изменился, и взгляд не метался. Они создавали разность потенциалов, Инга чувствовала перепад напряжения и дрожала, как воздух, через который

проскакивали электрические искры. И не столько от страха дрожала, сколько от тайного восторга. Ей нравилось чувствовать себя в центре настолько же интересных, насколько и страшных событий. А еще больше нравилось жаться к сильной руке — в поисках защиты и опоры.

— Даже уважаемые люди могут напиться, — спокойно парировал Сукнов. — И слететь с катушек.

— Напились. Уважаемые люди так напились... Один в морг, другой в больнице, — зло скривил губы Челленджер.

— Я же не знал... Думал, просто напились. — Сукнов невесело смотрел на него. Понимал, что ему здесь больше не работать.

Мизгиревская братва его и без того не больно-то жаловала, а сейчас еще и презирать стала за то, что клофелинщикам помог сбежать. Но разве мог Макар его осуждать? Девчонки числились в штате клуба, их не откуда-то с улицы в сауну завезли. И у Мизгирева с его гостем по пьяному делу запросто могло снести крышу. Девчонки могли применить клофелин как средство самозащиты. Если так, то Сукнов поступил правильно. А почему нет, если ничего ценного из вещей не пропало? Даже айфон на месте.

— Думал, что напились? — спросил Макар, внимательно глядя на Сукнова.

— Ну да.

— Напились и заснули?

— И заснули.

— Ты видел, как они спали?

— Видел. Но уже потом, когда девчонки ушли.

— А как же ты их отпустил, если думал, что Мизгирев и Шохрат спят? Не видел, но думал.

— Девчонки сказали, что засыпают. Я им говорю, ну и пусть спят. А если проснутся, спрашивают? Снова насиловать будут?

— Снова? — Макар повернул голову, собираясь глянуть на Ингу.

Он-то ее насиловать не собирался, просто она здесь лишняя. И есть вещи, которые ей слышать необязательно. Но ведь не поймет, не уйдет. А если уйдет, то вскоре вернется. Скажет, что скучно, и вернется. А он как бы за нее в ответе. Хотя еще и не приручил. Да и не очень-то хотел, если честно.

— Сам-то я не слышал, чтобы их насильовали, — пожал плечами Сукнов. — Но девчонки сказали... Один раз, сказали, было. Изнасиловали, заснули, а как проснутся, снова насиловать начнут.

— Гнали! — скривился Челленджер.

— Может, и гнали, — не стал спорить Сукнов. — За что купил, за то и продаю.

— Как лоха тебя развели!

— Не знаю... Там одна такая красивая!..

— Одна такая? А чего ж не познакомился? — ехидно спросил Челленджер.

— Потерялся... Она такая красивая. — Сукнов лишился спокойствия, разволновался.

— Я же говорю, озабоченный он, — фыркнул Челленджер.

— Кто у вас там такая красивая? — спросил Макар.

Ему и самому вдруг стало интересно. Но Инге это явно не понравилось. Она и на Сукнова глянула возмущенно, и на него.

— Да у нас все девочки супер... Ну, может, Варвара... По мне, так ничего особенного, — немного подумав, заявил Челленджер.

— А Миша купился? — Макар смотрел на Сукнова иронично.

Ему и самому интересно стало, чего это он не познакомился с Варварой. Или с Алисой. Ингу, например, в два счета охмурил. А перед Варварой спасовал? Или ее красота лишала дара речи, или парень банально врал.

— Ну я бы и так их выпустил.

— И я тебя выпущу, — кивнул Челленджер. И взглядом указал на дверь. — Ты свободен.

Сукнов понял, что его увольняют, но воспринял это как должное. Хотя и с горечью.

— Ты давай не горячись, — качнул головой Макар. — Пусть пока работает.

Он тоже понимал, что по большому счету Сукнов пошел против своего босса. И на кадровую политику ночного клуба «Паутина» он не имел никакого влияния. Но дело еще не раскрыто, и Сукнов должен быть на виду. И Макару он еще не все сказал, и следовательно должен его допросить.

— А это мне решать! — отрезал Челленджер.

— Я же сказал, не будем гнать коней. — Капитонов посмотрел на него спокойно, но в свой взгляд он вложил всю внутреннюю силу, которой располагал.

Челленджер не выдержал, сдал назад:

— Ну хорошо, подождем. Что скажет Тимофей Анатольевич.

— Подождем, — не сводя с него глаз, кивнул Макар.

Инга как будто почувствовала его силу, еще крепче прижалась грудью к его руке.

А в спа-салон входил следователь Ситников, обладатель самой лучшей мушкетерской бородки, во всяком случае в системе МВД точно. За ним следовал дежурный оперативник, криминалист со своим чемоданчиком.

— Поверить не могу! Убойный отдел уже здесь! — с интересом глянув на Ингу, широко улыбнулся Ситников и на всякий случай подкрутил кончик своих усиков.

— Сам себе не верю.

— Что там у нас?

— Возможно, клофелин.

— Это я уже слышал.

— Отравительницы сбежали, я уже отправил за ними Ворошилова. Да и сам, наверное, поеду. Не буду тебе мешать.

— А это кто? — Ситников посмотрел на Челленджера, скользнул взглядом по Сукнову, но внимание заострил на Инге.

— Она со мной! — Макар на всякий случай обнял девушку за талию.

Может, Инга и не особо ему нужна, но делиться он ею ни с кем не намерен. И пусть Сукнов не раскатывает губы. Впрочем, уголовнику сейчас точно не до нее.

— Не клофелинщица?

— Еще чего! — фыркнула Инга.

— Начальник охраны, охранник. Один груши околачивал, другой в благородство играл. Упустили девочек.

— Разберемся! — доставая из кармана блокнот, резко сказал Ситников.

Следователь он опытный, не всегда, правда, безупречный, но дело свое знает. И труп он осмотрит, и свидетелей опросит, и общую картину преступления составит. А Макар должен заниматься розыском, в данном случае подозреваемых.

Автомобиль находился возле дома, а это минут десять на такси. Он уже достаточно трезв, чтобы садиться за руль. Отвезет Ингу домой и в путь. Ворошилов отработает улицу Красную, а он отправится на Можайскую — за Калининой... Или лучше наряд туда отправить? А самому с Ингой, к себе домой. Вряд ли она откажется поехать.

Макар заказал такси, вместе с Ингой вышел на улицу. Небо уже розовое, редкие облачка освещены солнцем. Лето хоть и на исходе, светает рано. Но вместе с солнцем приходит и утренняя свежесть. А Инга в одном платье. Макар снял пиджак, накинул ей на плечи. В этот момент около здания припарковался знакомый автомобиль.

Макар не удивился, увидев подполковника Славину. Красивая женщина, роскошная и, как поначальнически, неприступная. Для своих лет она выглядела идеально. Даже сейчас, ранним утром, она была в полном порядке: и накрашена, и причесана, и

форма наглажена. Только вот глаза почему-то грустные. Даже трагические. И непонятно, какого черта она здесь делает. Вряд ли ее сюда кто-то тянул за уши.

И Марина не удивилась, увидев Макара. Как будто знала, что он здесь. Но нахмурилась, разглядывая Ингу.

— Здравия желаю, товарищ подполковник! — Макар поприветствовал начальника слегка развязно, но в общем-то без сарказма.

— Что там случилось? — Славина продолжала смотреть на Ингу, оценивая длину ее платья.

— Клофелин с летальным исходом. Мизгирь в больнице, Шохрат готов.

— Шохрат?

— Законник. Но я о нем ничего не знаю. В наших краях такой не водится.

— Надо пробить.

— Некогда. Я сейчас по девочкам.

— Да я это уже поняла! — Славина еще раз смерила Ингу взглядом.

Макар учился с Мариной в одной академии, вместе выпускались, через годы судьба свела их вместе. Он мог влюбиться в нее в юности, но увлекся в пору физической, но не моральной зрелости. Гулял, пил, менял женщин как перчатки. А Марину не трогал, просто тихо любил. И ждал своего часа. Ждал и дождался. Весной этого года от нее ушел муж, и яблочко само упало к нему в руки. Но счастье, как говорится, длилось недолго. Муж вернулся, Марина не смогла устоять перед соблазном восстановить семью. Но Макар ей этого не простил. Тем не менее она сама хотела поставить точку в их отношениях.

— Клофелинщицы сбежали, ищет полиция, ищут бандиты.

— А это кто? — Славина кивком указала на Ингу.

— Моя личная жизнь. С корабля.

— С какого еще корабля? — Марина глянула на Ингу как на портовую шлюху.

— А с которого на бал. Я случайно в клуб заглянул.

— Гуляешь?

— Свадьба у меня.

— У тебя?

— У друга... Я поеду, время. — Макар постучал пальцем по стеклу на часах.

— Ну хорошо. — Марина отпускала его, но с явной неохотой.

И недобро усмехнулась, глянув Инге вслед. Макар это заметил.

— Это кто был? — в такси спросила Инга.

— Мое личное дело. Благодарности, взыскания. Обвинения, оправдания, приговоры.

— Она влюблена в тебя как кошка. — Инга шумно зашевелилась, поворачиваясь к Капитонову.

— Тебе показалось.

— Ты такой крутой, когда мент.

— Я всегда мент.

— Только я замуж за тебя не пойду.

— А если позову? — пытаюсь скрыть улыбку, спросил он.

Все хорошо в свободных отношениях с женщиной. Плохо, когда она начинает напирать в своем намерении сковать свободу брачными узами.

— Все равно не пойду, — мотнула головой Инга.

Она смотрела Макару в глаза. А ее пальцы растегивали молнию на его джинсах.

— Ты хорошо подумала? — спросил он.

— Мне на Карла Маркса! — обращаясь к водителю, сказала она. — Дом сорок пять, квартира тоже сорок...

— Квартиру не нужно! — засмеялся таксист.

— Тогда трогай!

Машина тронулась с места, Инга забралась на Макара, обняв его за шею, и заерзала на нем.

— Ты тоже можешь трогать, — шепнула она.

И нащупав точку слияния Марса с Венерой, замерла. Трусики на ней уже не было. Под платьем — открытый космос. Хоть скафандр надевай.

— А звонить мне не надо, — едва слышно хихикнула она, принимая в себя Макара и активно двигаясь вверх-вниз.

Оба испытывали желание, которое вскоре переросло в восторг и закончилось фонтаном безумных чувств. В этот момент машина и остановилась. Приехали.

— Но, если позвонишь, буду рада, — закрывая за собой дверь, с затуманенной улыбкой сказала Инга.

Макар кивнул ей на прощание. А может, и позвонит. Марина уже вычеркнута из жизни, в душе переполох и маята, а годы идут. Может, пора взрослеть?

От женщины явно пахло корвалолом. В глазах тревога, в душе страх.

— Точно из полиции? — спросила она, глядя на Оксану.

— Лейтенант Ворошилова! Уголовный розыск!

— И ты Ворошилова?

— Братья мы! — кивнул Ворошилов.

— Братья?!

— Вы же тоже Ершова? — спросила Оксана, раскрывая удостоверение.

— Иршова, — поправилась женщина.

— Варвара вам сестра?

Вадим знал, кого искал. Варвару и Алису, Иршову и Калинину, но эти кубики в голове разбросаны в полном беспорядке.

— Алиса.

— Сестра?

— Брат... То есть дочь!

— Хорошо выглядите для матери.

Женщина действительно еще в самом соку. Под сорок ей, вряд ли за, но кожа гладкая, нежная. Веки чуть припухшие, круги под глазами, но видно же, что женщина испытывает тревогу, да и утро совсем еще раннее, нормальные люди в это время седьмые сны досматривают. Накрасится, прихорошится — и снова ягодка.

— Они тоже так сказали, — как-то не очень весело улыбнулась Иршова.

— Кто они?

- Да приезжали только что, спрашивали.
 - Что спрашивали?
 - Сказали, что из полиции.
 - Фамилии, звания.
 - Да какой-то капитан Семин... Или Смирнов...
- Если не врет!
- А мог соврать?
 - Да и не похожи они на полицейских. Сейчас столько мошенников... Не может Алиса работать в стриптизе!
 - А где она работает?
 - В больнице. Медсестра она.
 - В офтальмологии? — скрывая насмешку, спросила Оксана.
 - Почему в офтальмологии?
 - Потому что глазные капли... Где сейчас Алиса?
 - Так на смене она, в больнице.
 - В какой больнице?
 - В городской.
 - А позвонить ей можно?
 - У нее телефон отключен... Им заведующий приказал, — последняя фраза прозвучала особенно неуверенно.
 - Чтобы больных не будить?
 - Вот и я думаю, что глупость какая-то, — в раздумье кивнула Иршова.
 - Да уж... Ваша дочь глазные капли неправильно закапала, человек умер.
 - Да что вы такое говорите! — ахнула женщина.
 - И сбежала из больницы!.. Я могу осмотреть квартиру? — резко спросила Оксана.

— Ну да... Наверное...

— Если вам нужно постановление на обыск, будет.
И постановление! И обыск!

— Что ж, заходите!

Иршова впустила в дом только Оксану, Вадиму хоть и робко, но плотно перегородила путь. Он решил не применять силу, чтобы сдвинуть ее с пути. Но пистолет на всякий случай достал. Если вдруг в квартире засада, он будет стрелять на поражение. Женщина немного подумала, не сводя глаз с оружия, и сдвинулась с места. Однако Оксана уже закончила осмотр. Квартира маленькая, однокомнатная, спрятаться особо негде. Никто и не прятался.

— А у кого Алиса может сейчас быть? — спросила Оксана.

— Не знаю... В больнице она или у подружки, — пожалала плечами Иршова.

— А подружку как зовут?

— Яна и Татьяна.

— А Варвара?

— Кто это?

— Вместе в больнице работают.

— Не знаю такую... Но Семин этот или Смирнов спрашивал. Да, спрашивал.

— А про Яну, Татьяну?

— Да нет...

— Вы не говорили?

— Нет.

— И не говорите... Нет никакого капитана Семина-Смирнова, есть бандиты. Одного из них ваша дочь и отравила. Будем надеяться, что случайно.

— Глаза закапала?
— Глаза, — скрывая усмешку, кивнула Оксана.
— И что же мне делать?
— Дать адреса и телефоны подружек. И сидеть ти-
хо. Никому не открывать, никому не звонить.

Документы у Иршовой полагалось проверить сразу, а посмотрели только сейчас. И адреса Яны и Татьяны узнали. А вместе с тем и номер телефона, которым пользовалась Алиса.

За руль Вадим посадил Оксану, а сам взялся за компьютер. Очень хотелось посмотреть, что там за капитан Семин-Смирнов. Вход в подъезд просматривался с камеры видеонаблюдения, Вадим очень даже легко мог к ней подключиться. Капитонов говорил, что клофелинщиц ищут бандиты из «Паутины». У Иршовой они уже побывали, если верить Ирине Павловне, уехали с полчаса назад. Возможно, они уже в поселке, где жила Варвара Калинина. Вадим решил ехать туда, а Яну и Татьяну оставить на потом, хотя их дома находились неподалеку. Оксана согласилась.

Но прежде чем отправиться в путь, он попытался установить место нахождения телефона, номер которого только что получил. Но ничего не вышло. Через оператора не смог, через уникальный идентификатор тоже. Иршова не просто заблокировала свой телефон, она полностью отрезала его от внешнего мира. Помочь ей в этом мог только толковый айтишник. Или она сама с компьютерными технологиями на «ты».

Номер телефона ничем не помог, и камера у подъезда вряд ли выведет на беглянку. И тем не менее.

— В больнице работает, ага! — усмехнулась Оксана, тронув машину с места.

— Мать так думает.

— В том то и дело, что не думает... Там, в шкафу, ни одного медицинского халата, зато платья серебристые, золотистые, и просто вечерние, и для стриптиза.

— Не знаю, в чем стриптиз танцуют, — улыбнулся Вадим.

— И трюмо у них как стол в гримерке... Не удивлюсь, если эта Ирина Павловна сама танцует.

— А фигурка у нее вроде ничего.

— Тридцать девять лет ей, а дочке двадцать два. Улавливаешь момент?

— В семнадцать родила.

— В подоле принесла... Сама такая же. Веселая... Может, там не только стриптиз...

— На затасканную не похожа.

— Но мужа нет. И, похоже, не было.

Вадим вышел на камеру третьего подъезда сорок второго дома по улице Красной, увидел в записи двух внушительно-брутальной внешности мужчин, которые входили в подъезд решительным шагом. На всякий случай он снял скрины с видеофайла, перенес их на смартфон.

Утро, воскресенье, дорога на Заводской была свободна. Ехать пришлось чуть больше часа. Не так уж и мало, если учитывать, что Оксана ехала с явным превышением скорости.

Калинина жила на окраине рабочего поселка в двухэтажном доме на двенадцать квартир. Дом кир-